

АЛЕКСАНДР
ЛАСКИН

БЕЛЫЕ ВОРОНЫ ЧЕРНЫЕ ОВЦЫ

ПОВЕСТЬ-ВОСПОМИНАНИЕ
В ПЯТИ СТРАНАХ,
ТРЕХ ТЕАТРАХ,
А ТАКЖЕ
ВОСЬМИ ОТСТУПЛЕНИЯХ
И ТРЕХ ИНТЕРМЕДИЯХ

Александр Семёнович Ласкин
Белые вороны, черные овцы
Серия «Критика и эссеистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64096152

Белые вороны, черные овцы. Повесть-воспоминание в пяти странах, трех театрах, а также восьми отступлениях и трех интермедиях:

Новое литературное обозрение; Москва; 2021

ISBN 978-5-444814-65-9

Аннотация

Что общего между Россией и Шотландией? Одно из потаенных чудес Глазго – уникальный театр кинетической скульптуры, созданный Эдуардом Берсудским в Ленинграде в 1989 году. Обосновавшись в Глазго в 1996-ом, механический балет в исполнении сотен деревянных персонажей, старинной машинерии и изменчивых теней очаровал зрителей многих стран Европы и приобрел репутацию магического эстетического опыта. В своей книге Александр Ласкин разворачивает историю этого чудесного изобретения, которая связывает воедино неофициальный Ленинград семидесятых и современный Эдинбург, шотландского скульптора Тима Стэда, швейцарца Жана Тэнгли, Игоря Владимирова, Сергея Юрского и многих других ярких творческих индивидуальностей, которых в России часто называют «белыми воронами», а в Шотландии именуют

«черными овцами». Александр Ласкин – историк, прозаик, доктор культурологии, лауреат литературных премий.

Содержание

Отступление перед началом	6
Место действия	6
Почему же памятники стоят на месте?	8
Глава первая.	14
Начало и утопия	14
Первая и вторая удачи	18
Конец утопии и после	21
Татьяна Жаковская	23
Отступление о том, как в 1978 году в Театре имени Ленсовета репетировали «Вишневый сад»	25
Театр открывается – и закрывается	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Ласкин
Белые вороны,
черные овцы
Повесть-воспоминание
в пяти странах, трех
театрах, а также
восьми отступлениях
и трех интермедиях

Не спалось. Я решил подсчитать, сколько звезд на небе. Я взял бабушкины костяные счеты, увеличительное стекло, фонарик, щеточку для бровей, два подсвечника и вышел во двор. Стал тыкать пальцем в небо и считать звезды. Получилось много, но не больше, чем я предполагал. Я не стал пересчитывать, потому что уже светало.

Эдуард Берсудский. Из текстов, сочиненных ночью во время бессонницы

Отступление перед началом

Место действия

Сперва поищем сравнение. Должно быть что-то, что вместит страну целиком. Может, это любимая шотландцами клетчатая ткань? Та самая, из которой шьют мужские юбки-килты.

Приглядитесь к этим квадратам, и вы почувствуете ритм. Этот ритм есть и в здешних пейзажах. В перепадах от лесов к холмам и от холмов к полям.

Есть страны, которые, кажется, создавались разными мастерами. Один придумал поля, другой трудился над лесами... В Шотландии чувствуется одна рука. На какие бы расстояния ты ни удалялся, повсюду узнаешь его работу.

Он, творец этих мест, создатель взлетов вверх и опусканий в низины, презирал бытовую логику. Никакой прагматики нет в том, что столько пространства отдано холмам и небу. Иначе говоря, красоте.

Шотландию населяют пять миллионов человек, а это почти столько же, сколько живет в Петербурге. Зато простора тут несравненно больше. Сразу представляешь прогулки верхом со стоянками на полянах. Или пещеры, где можно спрятаться, чтобы внезапно ошарашить противника.

Вряд ли здешний автор создаст что-то в духе Достоевского. Ну, там, небольшие клетушки, огромные долги, воспаленные глаза... А вот исторические романы (в каждом по несколько королей и немерено мяса на вертеле) тут пишутся легко.

Как получилось, что люди заселили города, но не претендовали на большее? Столько места отдали чистому лицемерию. В 1935 году это положение закрепили в так называемых «Принципах Унна»: известный альпинист Перси Унн купил земли для Национального фонда при условии сохранения их первозданного облика.

Вот чем защищены эти места. Они пребывают вроде как в вечности – сейчас холмы вижу я, но на них же смотрел Вальтер Скотт.

Есть еще одно. Шотландцы наделяют природу едва ли не человеческими качествами. Например, у других народов лес стоит, а у них идет. Так, Бирнамский лес, подстрекаемый ведьмами, двинулся на Макбета.

Почему же памятники стоят на месте?

Странно, что деревья могут идти, а скульптуры – нет. Как было бы хорошо, если бы Вальтер Скотт в Эдинбурге вставал во весь рост, а собака у его ног приветствовала прохожих лаем и поднятыми ушами.

Кстати, и в Питере размышляли об этом. На улице Правды скульптор Дмитрий Каминкер поставил на колеса своего Глашатая. В руках рупор, голова вскинута вверх... Если бы этот Глашатай Правды перемещался, то стал бы бродячим проповедником.

Видно, у тех, от кого это зависит, не хватило энергии, и скульптура стоит как стояла. Впрочем, в любой момент это может произойти. Надо только взяться за ручку, приделанную к платформе, и отправиться в путь.

Прибавим, что в Пушкине во время карнавала нарядили Ленина на Соборной площади. Сколько лет он стоял в своем железном костюме, как вдруг предстал в развевающемся плаще. Рука вытянута вперед, словно он говорит: «Переоденьтесь, товарищи! Смените скучную одежду на красивую и яркую!»

Вряд ли до Глазго дошли вести об этих метаморфозах, но тут тоже поспорили с данностью. Для примера выбрали конный памятник Веллингтону перед Музеем современного ис-

кусства. К победителю Наполеона у шотландцев давно есть вопросы: почему ирландец? А если ирландец, то зачем его чувствовать далеко от родины?

В наше время эти разговоры воплотились в акцию. Молодые недоброжелатели Веллингтона надели на него дурацкий колпак, вернее полицейский конус. Такие конусы выставляют, когда ограничивают движение по улице. Сейчас это тоже выглядело как предупреждение: осторожно, маршал! За медлите шаги и удивитесь!

Оказалось, эта акция навсегда. Так и стоит Веллингтон в полосатом конусе (хорошо, не в полосатой робе!) и развлекает туристов. Ну а местные уже не помнят его другим. Даже на открытках он при всем параде: колпак сползает набок, и это придает ему еще больше лихости.

Конечно, и от Веллингтона хочется чего-то особенного. Вот бы он сам надевал колпак! Это выглядело бы самокритично. К тому же этим жестом он соединял бы разные времена.

К сожалению, герцог стоит как вкопанный. Да и другие монументы не продвинулись. Лишь в начале девяностых что-то стало меняться после того, как в Шотландию приехал скульптор Эдуард Берсудский.

Дело в том, что у Берсудского не просто скульптуры, а скульптуры кинетические. Он не только создает образ, но рассказывает истории. Загорается свет, силой невидимого мотора начинается движение... Так в булгаковской «вол-

шебной камере» фигурки оживают для представления и игры.

Вот хотя бы его шарманщик. Все как полагается: сапог отбивает ритм, звучит песня о разлуке, рядом вертится обезьянка. Правда, сам шарманщик какой-то не такой. Весь в щетине да еще с рогами, как фавн.

Шарманщик не только извлекает мелодию, но и запускает ту самую «вертушку роковых событий», о которой сказано в стихах Арсения Тарковского. Иначе почему он похож на лешего? Ясно, что это почти лесное существо обладает не только человеческими возможностями.

Называется работа «Автопортрет». Значит, Берсудский добровольно причислил себя к племени полулюдей-получертей. Наверное, художника не бывает без чего-то эдакого. Ведь он имеет дело не только с реальностью, но и с тем, что находится вне ее.

Опять, автор, спешишь? Ты ведь не упомянул, что понятие «кинетическая скульптура» Берсудский и его жена Татьяна Жаковская сократили до «кинематов». Это вроде как домашнее имя его произведений. Все равно что «Александр» и «Саша».

Что сказать прежде всего? Кинематы не ограничиваются чем-то одним. Ни позой, ни жестом, ни материалом. Обычно скульптуры создают из металла или дерева, а Берсудский творит из всего. В ход идут старая швейная машинка и патефон... Плюс еще сто предметов, которые давно не исполь-

зуются, но тут оказались незаменимы.

Кстати, в начале девяностых, когда Берсудский и Жаковская решили уехать, за столом у моей приятельницы шел такой разговор:

– Что им делать без старых патефонов, утюгов и вообще всего, что можно найти на наших помойках?

Помните стихи Ахматовой, в которых она спрашивает: «Когда б вы знали, из какого сора...», а дальше перечисляет: «желтый одуванчик у забора», «лопухи и лебеда» – и по этим приметам сразу узнается Карельский перешеек? Так вот, на пластинке Анна Андреевна читает их не иронически, а торжественно. Словно речь о чем-то столь же значимом, как скипетр и держава.

Это я к тому, что, говоря об утюгах и прочем хламе, никто не ухмыльнулся. Все понимали важность и незаменимость этого строительного материала.

Собрание кинематов получило название «театр „Шарманка“». О его представлениях еще будет речь, а пока скажем о том, что Берсудский и Жаковская не признают окончательных формул. Им удобней сидеть между стульями и парить между небом и землей.

Так что, возможно, это не театр. Все же для спектакля требуется драматургия. Принадлежности к одному художественному миру явно недостаточно.

Тогда экспозиция? Нет, не получается. Выставочные объекты не зависят от публики, а здесь все начинается с того,

что вы пришли. Тут фигурки оживают и вступают в игру.

Когда-то Лидия Гинзбург предложила термин «промежуточная литература». Так вот это — «промежуточное» изобразительное искусство. Его положение экстерриториально — не совсем театр, не совсем выставка и не совсем скульптура. Каждое из привычных понятий в этом случае уточняется.

Конечно, не Берсудский придумал «кинетику». Он только присоединился. Правда, прежде это была вотчина «беспредметников». Что-то колыхалось, крутилось, расцвечивалось, но историй никто не рассказывал.

Впрочем, что значит не рассказывал? Если говорится о том, что длится во времени и развернуто в пространстве, это тоже сюжет. Правда, здесь действуют не только прямые и кривые линии, но и вполне конкретные крысы и вороны. Или еще более конкретные Сталин и Гитлер.

Человек, приехавший из города Гоголя и Хармса, этот опыт привозит с собой. Оттого в его историях бессмыслицы больше, чем логики, а подробностей меньше, чем обобщений. Поверх всего звучит мотив, главный для шарманки-инструмента и «Шарманки»-театра. Вновь и вновь повторяется, что и так будет не сто, не двести раз, а всегда.

Не потому ли был взят в спутники музыкальный ящик, что этот инструмент склонен к философичности? Другие спешат, не оборачиваясь, а этот вроде как сравнивает. Уйдет вперед и сразу вернется назад.

Попробуем и мы следовать за шарманкой. Повернем во-

ображаемую ручку и окажемся даже не в начале нашего повествования, а в начале жизни Берсудского, в Ленинграде шестидесятых – семидесятых.

Глава первая. В Ленинграде

Начало и утопия

Если кинетическую скульптуру именуют кинематами, то Берсудского и Жаковскую мы будем называть Эдом и Таней. Читатели с ними уже познакомились, а когда я впервые пересекся с Таней, уже и не вспомнить. Подробности теряются во тьме времен.

Любой период биографии Берсудского тянет на повесть. По крайней мере, вкратце его точно не рассказать. Сразу потянется ниточка, и еще не одна.

Начнем с того, что операторами котельной кто только не работал, а шкипером был только Эд. Можно назвать еще пять его профессий. Долго он нигде не задерживался. Так ребенок утоляет голод, отщипнув от всего, что стоит на столе.

Поначалу он не думал о кинематике. Скульптуры резал, но лишь в свободные часы. Ну а сколько их у того же шкипера или водителя самосвала? Большую часть суток отдаешь службе, поспишь немного, а в оставшееся время творишь.

Мог ли я представить, что в шотландском доме моих дру-

зей сохранилось что-то от тех лет? Больно давно это было. Да и ощущение своей биографии у Эда тогда не проснулось. Жизнь просто текла, не очерчивая вех и не образуя этапов.

Тем удивительней, что нашелся ватманский лист, на котором корявыми буквами написано: «Молния! Комитет ВЛКСМ объединения постановил: комсомольцев Поверинова В. и Берсудского Э. из членов ВЛКСМ исключить!»

Именно так – с восклицательным знаком. Словно не сдерживая радости от предвкушения расправы.

Вот что пригодится для музея. Пока не для музея Берсудского, а для музея, посвященного жизни в семидесятые годы. Так и вижу объявление в рамочке на стене. Экскурсовод тычет указкой и говорит, что эти двое были частью системы и вдруг их оттуда выбросили.

Эд уже не помнит почему. Возможно, он не платил членские взносы и так ослаблял комсомольскую организацию. Не исключено, что дело проще. Они просто подумали: «Зачем нам такой?» – и, надо сказать, не ошиблись.

Вряд ли он сильно переживал. Если для кого-то исключение – катастрофа (интересно, как сложилась судьба В. Поверинова?), то к его всегдашнему чувству изгойства это ничего не добавляло. К тому же он ни на что не претендовал. Моряком или слесарем возьмут и без билета. Хватит того, что у него золотые руки.

Что касается искусства, то тут все было сложно. По правилам того времени художником не рождаются, а становятся.

ся. Хочешь рисовать и лепить – получи диплом. Кстати, Эд не то чтобы не хотел учиться. Просто он все делал как чувствовал, а преподавателям требовалось как полагается. Вот его и притормаживали. Уж очень он самостоятелен и не похож на ученика.

Окончил Берсудский только Энергетический техникум. Казалось бы, для чего ему это, а, как видите, пригодилось. Если бы не полученные знания, то как бы лошадь вращала хвостом, а шарманщик крутил ручку?

Все это еще впереди. Пока главное событие – приглашение в садово-парковое хозяйство. Причем на каких условиях! Тут ему предлагали не шоферить, а резать скульптуры.

За то, что занимаешься любимым делом, не получают деньги, ведь не платят же нам за прогулки по лесу. Его новая работа не только предполагала зарплату, но и гарантировала известность. Пусть и без упоминания имени, но в каких местах! Только представьте: в Русском музее выставлен Коненков, а в прилегающем к нему парке стоят работы Эда.

Словом, в парковом хозяйстве подули новые ветра. Девушек с веслом решили заменить кем-то более близким обитателям детских площадок. Так здесь появились его клоуны и медведи.

Хорошо скульптурам в парке. Возможно, даже лучше, чем в экспозиции. Ведь тут они существуют не сами по себе, а вместе с окружающим пространством.

Выиграли не только его работы, но он сам. Все же одно

дело творить вечерами, а другое – когда захочется. Если замысел не созрел, просто ходишь по городу. Ждешь, когда из твоих мыслей что-то произрастет.

Пока скульптуры у него выходили традиционные. Они не могли сорваться с места или переменить позу. Впрочем, сейчас это не главное. Он переживает: не придется ли опять весь день вкалывать, а художником становиться ближе к ночи?

Такие мысли посещают и других скульпторов садово-паркового хозяйства. Среди них был и Виктор Цой. К его сомнениям относительно будущего прибавлялся вопрос о том, что правильнее: резать по дереву или петь? Выступать анонимно или от своего лица?

Первая и вторая удачи

Что, если рядом с почти идолами Берсудского появится конкретный Ильич или обобщенный Строитель коммунизма? Это хотя бы потому невозможно, что Эд работал для детских площадок. У взрослых были свои герои, а у него свои.

Так – вместе с любителями песочниц и горок – он очерчивал свою территорию. Имел право сказать авторам советских памятников: посмотрим, переживут ли ваши вожди моих клоунов и лицедеев!

Как выяснилось, существует нечто пострашнее идеологии. Судьбу парковых работ решили снег и дождь. Столько лет под открытым небом им оказались не под силу.

Кое-что сохранилось на фотографиях. Есть еще впечатления очевидцев. Среди тех, кому нравились эти работы, были не только дети, но и взрослые. В результате в одном серьезном издании об Эде вышла статья.

Вот так так. Режешь что-то для себя, не помышляешь о внимании критиков, как вдруг оказывается, что, «однажды войдя в мир, созданный Эдуардом Берсудским, уже невозможно безучастно следить за дорогой, по которой он идет, и трудно удержаться от соблазна следовать за ним».

Фраза тоже петляет. Сперва прямо, потом немного в сторону, затем поворот еще раз.

С тех пор Берсудский слышал много комплиментов, но

это было впервые. Читаешь и думаешь: «Неужто это обо мне?»»

Вообще в это время Эду везло. Бывает, долго никаких событий, а тут сразу много. Причем все позитивные.

В семидесятом году он женился на студентке графического факультета института Герцена Алевтине Вороновой. Конечно, для художника важна масть. Супруга была ярко-рыжая. К тому же в ее фамилии пряталась его любимая птица.

Правда, с той хромоногой вороной, что жила у него в комнате, у Алевтины отношения не сложились. Может, она считала, что хватит ворон? Поэтому одна осталась в фамилии, а другую выпустили на газон рядом с зоопарком.

Ну и в завершение всего у него появился Учитель. Именно так, с большой буквы. Впрочем, и слово «Художник» в этом случае надо писать так.

Звали Учителя и Художника Борисом Яковлевичем Воробьевым. Это он изваял практически всех животных, вышедших из стен Ломоносовского фарфорового завода.

Трудно оставаться певцом чистой пластики и работать на заказ. Воробьеву помогли его персонажи, прекрасные в каждом повороте головы и движении лап. Так что природа была за него, а он с радостью за ней следовал.

Воробьев посмотрел работы Эда и сразу что-то почувствовал. Ну а после того, как увидел первые кинематы, совсем посерьезнел.

Это не отменяло требовательности. Чем убедительней

сделанное воспитанником, тем больше с него спрашиваешь.

Вообще детей и учеников Борис Яковлевич держал в строгости. Хвалил дозированно. Буквально по одному одобряющему словечку в несколько лет. Случалось, не только повысит голос, но и выгонит. Делал он так потому, что уж очень ему не хотелось показывать своей доброты.

Комплиментов Эд от него слышал столько же, сколько все. Зато с сыном Мишей Борис Яковлевич разоткровенничался. Сказал, что «этого парня когда-нибудь узнает весь мир».

Эд до сих пор не верит, что это правда. Больно не соотносятся эти слова с тогдашней реальностью. Какая может быть мировая слава, если почти никто не выставляется за границей? Ну а человек, не обремененный образованием, об этом даже не мечтает.

Нет, утверждает Миша, он запомнил точно. Все было так: и неожиданное «парень», сказанное о сорокалетнем мужчине, и обещание невиданных перспектив. Кажется, в эту минуту его отец все увидел. Сперва мир включит в себя странство по ту сторону железного занавеса, а остальное случится само собой.

Конец утопии и после

Пока же Эд доволен положением в садово-парковом хозяйстве. А что еще надо? От него ждут не присутствия, а вдохновения. Он много работает и при этом не сдает ключ на вахту.

Обычно утопия длится недолго. Дали возможность увидеть, как это бывает, и хватит. А то выходит нехорошо. Руководство честно протирает штаны, а подчиненные свободны как птицы.

Скульпторам установили режим не для того, чтобы больше трудились, а чтобы были скромнее. Помнили, что начальство не Аполлон. Тот «требует... к священной жертве» когда заблагорассудится, а оно – с девяти до шести. Бывает, сразу не определится, и вы ждете. Смотрите в окно или играете в «морской бой».

Это все равно что дышать только в определенное время! Что ж, люди у нас нетребовательные. Если сказано, что так правильней, то они не станут возражать. Еще поблагодарят за то, что, прежде чем захлопнуть форточку, дали немного порезвиться.

Кажется, только Берсудский не выдержал. Раз он ощутил себя свободным художником, то решил и дальше так продолжать.

Почему Эд пошел в котельную? Потому что места тут не

меньше, чем в начальственных кабинетах. К тому же сухо, тепло. Хочешь – режешь скульптуры, а нет – читаешь книжку или размышляешь о жизни.

О том, что из кинематов получится театр, он пока не думал. Правда, его котельная находилась напротив Дома актера, и это можно понимать как указание. Мол, один Дом существует ради актера, его настоящих и мнимых достоинств, а второй предлагает альтернативу.

В самом деле, почему театр – и непременно актер? Ах, если бы исполнитель только лицедействовал, но он еще капризничает и скандалит. Чаще всего его роль в жизни заметна, а на сцене незначительна.

Что касается деревянных фигурок, то они существуют только ради искусства. Не изменят своему предназначению, чтобы посидеть в ресторане или уйти в депрессию. Кстати, и Эд живет так. Немного спит или выполняет обязанности по котельной, а остальное время отдает кинематам.

Татьяна Жаковская

Весной восемьдесят седьмого Таню Жаковскую привели к Эду в подвал. Этому поистине историческому событию много чего предшествовало: не так давно она оставила завлитскую службу в Театре имени Ленсовета, а сейчас была режиссером самодеятельного театра «Четыре окошка».

Как говорил Бродский, «главное – это величие замысла». Вот с чем тут все было в порядке. Она не только написала кучу статей о театре, поставила «Гамлета» и «Дракона», но одна воспитывала троих детей.

Если Эд создавал «движущиеся скульптуры», то он тоже догадывался о «величии замысла». Это были не только воплощения, но и притязания. Попытка сделать что-то такое, чего до него не существовало.

С Алевтиной Вороновой он развелся. Правда, разъехаться не удалось. В его комнате ей принадлежала четырехметровая ниша, а он спал на раскладушке среди кинематов.

Что Эда и Таню не очень интересовало, так это быт. Зато их сближало нечто глобальное. Если он был недоволен скульптурой, буквально скованной по рукам и ногам, то она к этому времени разочаровалась в театре.

Сколько это может продолжаться! Если актер с утра ссорился с женой, то и на сцене он будет выяснять отношения. Пусть роль совсем о другом, а ты думаешь: «Когда это кон-

чится!» Или такая ситуация. Понадобился ввод, а исполнитель не справился. Так плохо произнес: «Кушать подано», что зрители смотрели только на него.

Эта проблема давно волнует людей театра. Гордон Крэг и Морис Метерлинк предлагали заменить актера марионеткой. Видно, их тоже не устраивало, что он постоянно ускользает. Все ему объяснишь, а на другой день опять начинаешь сначала.

На этот счет у Тани имелись более близкие примеры, хотя бы тот же Театр Ленсовета. Тут непостоянство было свойственно всем – не только исполнителям, но и главному режиссеру.

Отступление о том, как в 1978 году в Театре имени Ленсовета репетировали «Вишневый сад»

Я тоже работал в этом театре, так что могу вставить свои «пять копеек». Хорошо, Игорь Петрович Владимиров был человеком веселым. Сколько раз казалось, что все летит к черту, но стоило ему пошутить, и равновесие восстанавливалось.

Однажды Владимиров вернулся из очередной отлучки и взялся за «Вишневый сад». Очевидно, это был не давний замысел, а импровизация. Для того чтобы успокоить труппу, нужны большие задачи. Когда репетируешь Чехова, думаешь не о своих проблемах, а о том, что он написал.

Автора Владимиров выбрал верно, но пьесу помнил нетвердо. Актеры это быстро раскусили. Особенно волновалась исполнительница роли Раневской Алиса Фрейндлих. «А как же Чехов, Игорь Петрович?» – спрашивала она и едва не взмахивала руками.

На репетициях Алиса Бруновна называла мужа по имени-отчеству. Все же это работа, и тут важна иерархия. Если кто-то захочет выделиться, то это будет не на пользу спектаклю.

На вопросы жены Игорь Петрович отвечал: «Ничего, Че-

хов со своим текстом пробьется». Так он был уверен в себе. Это продолжалось до тех пор, пока он не сказал, что Гаев хочет продать вишневый сад.

Выходило, что персонажи, как партизаны на допросе, говорили одно, а думали иначе. Конечно, слова у Чехова часто не открывают, а скрывают, но все же не до такой степени.

Никто из актеров не возразил. Фрейндлих могла себе это позволить, но оставила объяснения до дома. Игорь Петрович все понял сам. Он не отшутился, как обычно, а вроде как признал вину. По крайней мере, так было воспринято объяснение перерыва.

Не обошлось без широкого жеста. Как-никак, Владимиров – потомственный дворянин. Чтобы актеры не скучали, он оплатил всем двойной кофе в буфете. Сам же почти на час удалился в кабинет.

Кстати, Игорь Петрович еще и сыграл в спектакле Гаева, а Валерий Кузин, репетировавший сначала, был отправлен во «второй состав». Дело в том, что конкурировать с Владимировым в этой роли бессмысленно. Только он имел право говорить от имени «разбитого вдребезги».

Прежде чем Владимиров приступил к Гаеву, это назначение обсуждалось в труппе. Хоть и вполголоса, но активно. К сожалению, я тоже поучаствовал. Игорь Петрович эту роль еще не сыграл, а Кузин репетировал любопытно. Представьте чеховского героя, который не порхает по жизни, а передвигается грузно и тяжело. Его легкомыслие – не только ха-

раक्टर, но и убеждение и позиция.

В театре чуть ли не каждый день понимаешь, что слово не воробей. Вот и на этот раз я особенно не изумился. Когда Владимиров впервые вышел на сцену как исполнитель Гаева, он начал так:

– Саша Ласкин не хочет, чтобы я играл эту роль, но я все-таки попробую.

В этой тираде удивляла только моя фамилия. Существовали люди куда более достойные. Конечно, он мне польстил – оказывается, у меня есть право голоса! – но в то же время предупредил, что так долго продолжаться не может.

Это и есть труппа. Не та, что видит зритель, вернее не совсем та. Кто-то назвал актеров «террариумом единомышленников». Главное слово тут «террариум». Оно означает, что жизнь в театре протекает в несвободе и тесноте.

Дело не в квадратных метрах, а в том, что ничто не остается незамеченным. Поэтому все время держишь ухо остро. В коммуналке можно спрятаться у себя в комнате, а здесь четыре человека в гримерке и трое из них не выносят друг друга.

Одна хорошая актриса развлекалась тем, что подкладывала в чайник кусочек мыла. Возвращается ее соседка после своей сцены, хочет в перерыве выпить чайку. Дальше начинается не театр, а цирк. Вместо воды идет мыльная пена.

Владимиров отлично понимал, как все устроено. Когда брал в труппу актера или актрису, непременно предупре-

ждал, что бывает всякое. Так что лучше прислушаться к тому, о чем говорят в курилке. Очень может быть, что обсуждают вас.

К подобным вещам надо готовиться заранее, отрабатывать способы защиты. Я же знал только то, о чем услышал в институте на лекциях. Наши преподаватели долго рассказывали о Шекспире и Мольере, а об актрисе N и изобретенном ею рецепте чая не говорили ничего.

В это время мне было двадцать три года, год назад я окончил театроведческий факультет Театрального института и уже три года работал завлитом малой сцены Театра имени Ленсовета... Об этом речь впереди, а сейчас я попробую рассказать, как Владимиров играл Гаева.

Что вспоминается прежде всего? У этого персонажа был широкий жест – не метафорический, а буквальный. Когда его герой попадал впросак, то по-хозяйски уверенно разводил руками. Примерно так Игорь Петрович вел себя на упомянутой репетиции: он хоть и срезался тогда у всех на глазах, но пытался сохранить лицо.

Кстати, собранностью Владимиров не отличался и в других ситуациях. Вообразите огромного человека («сто двадцать килограмм продуманного обаяния», как сказал его друг, драматург Вадим Коростылев), который постоянно теряет очки. Всякий раз его спасала секретарша Мила. Он мог позвонить ей поздно вечером и узнать, что они лежат у него в кармане.

Вот почему Мила пользовалась доверием, переходящим во влияние. Из-за этих качеств актеры называли ее «генеральным секретарем».

Впрочем, что такое очки! Герой Владимирова пропустил нечто куда более важное. При этом не впал в уныние и продолжал витать в облаках. Скорее всего, именно с этим связана его рассеянность. Он слишком хорошо себя чувствовал, чтобы думать о мелочах.

Через эту роль Игорь Петрович рассказал о своей тайне. Конечно, многие знали его мать, Ольгу Константиновну, и удивлялись ее несовременным манерам. В шестидесятые так не разговаривали, так не носили платья, так не держали спину. Можно было догадаться о ее родовитости, но о том, кто его отец, не знал никто.

В детстве Владимиров неплохо рисовал, и под его рисунками стоят инициалы «ИБ». Это означает «Игорь Бабицкий». Ну а по отчеству он был тогда не Петровичем, а Владимировичем. Ведь его отца звали Владимир Евгеньевич Бабицкий.

Бабицкий был белым офицером, командиром буксира «Новаль» в Гражданскую. Вместе с остатками армии он бежал в Константинополь, но потом вернулся (скорее был выслан) в Россию. Расстреляли его в тридцать седьмом.

Это, кстати, объясняет, почему Владимиров сперва пошел в Кораблестроительный. А также то, почему в начале восьмидесятых он поставил совершенно нечитаемый «Капиталь-

ный ремонт» Леонида Соболева. В этом романе, действие которого происходит на царском линкоре, его интересовали шеренги выстроившихся на палубе матросов, рояль в кают-компании – и главный герой, читающий наизусть «Онегина».

Вот сколько всего вместил его Гаев. Сыграв эту роль, Владимир объяснил, почему его предки так легко отдали империю. Наверное, тоже сперва растерялись, потом все поняли, но было уже поздно.

Помимо мотива, уводящего в прошлое, существовала тема совсем близкая. Буквально рукой подать. К этому времени что-то разладилось между ним и Фрейндлих, и на репетициях они продолжали выяснять отношения. Конечно, ничего не выплескивалось наружу, речь шла о спектакле и роли, но где-то глубоко угадывалась мысль об их личном «вишневом саде».

Именно это почувствовала режиссер Людмила Станукина. Она пришла снимать картину о Фрейндлих, репетирующей Раневскую, но тут выяснилось, что есть сюжет не менее важный. Театр Ленсовета может разделить судьбу чеховского сада и навсегда остаться без хозяйки.

В ее фильме постоянно чувствуется этот подтекст. Нельзя не заметить, что режиссер часто ведет себя несдержанно. Да и исполнительница главной роли, несмотря на свои строгие правила (все-таки тоже дворянка!), отвечает ему в тон.

Слева направо: (сидят) директор Театра имени Ленсовета В. Венгеров, артист О. Каган, И. Владимиров, артист Е. Гвоздев, (стоят) артист А. Равикович, А. Ласкин, артист Е. Каменецкий, артист О. Зорин. Редакция газеты «Молот». Гастроли Театра имени Ленсовета в Ростове-на-Дону. Август 1976 г.

Если Владимиров и понимал, чем это может закончиться, то реагировал не лучше Гаева. Конечно, у чеховского героя один путь в эмпирии, а у Игоря Петровича другой. Предупреждаю вопрос: наверное, присутствовали? Может даже, разделяли его интерес? Ясно, что на таких мероприятиях всегда подливают. Как почувствуют, что градус падает, так сразу добавят.

Кажется, вы забыли, отвечаю я, о его происхождении. Оно подразумевалось не только тогда, когда он был трезв, но и всегда. К тому же Владимиров помнил о режиссерских обязанностях и не упускал общую композицию. Увидит, как чья-то рука с бутылкой приближается к моей рюмке, и непременно скажет:

– Саша не пьет.

Театр открывается – и закрывается

В живописи или скульптуре материал – краски или дерево, а в театре – кровь и пот. Помните термин Станиславского «эмоциональная память»? Он означает, что, изображая другого, актер остается собой. Хорошо, когда он говорит о своей рассеянности, как Владимир-Гаев, а если демонстрирует что-то не столь безобидное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.